

Татьяна Корниенко

**КИКИМОРА
СВЕТКА
ПИПЕТКИНА**

Москва
Издательство АСТ
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
К67

Серия «Весёлые истории»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении книги использованы иллюстрации
Марины Ражевой

Корниенко, Татьяна Геннадиевна.
К67 Кикимора Светка Пипеткина / Татьяна Корниенко.—
Москва: АСТ, 2019.— 249, [3] с.— (Серия «Весёлые исто-
рии»).

ISBN 978-5-17-113827-1.

Получить в подарок букетик мухоморов, поболтать с волком, познакомиться с сестричками-русалками, живущими в городском пруду, совершить кучу глупостей и не меньшую кучу добрых и полезных дел... Все это возможно, если твоя подружка — кикимора болотная. Когда Татьяна Корниенко, автор книги, которую вы держите в руках, встретила эту необычную девицу, сразу поняла, что обязательно должна познакомиться с ней еще кого-нибудь. Например, тебя. Не боишься? А зря. Кикимора все-таки...

© Татьяна Корниенко, 2014
© Марина Ражева, иллюстрации, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2019

...До звонка оставалось минут десять, когда вымотанная, но решительная Лидия Георгиевна вдруг выбросила из вазочки, стоявшей на ее столе, не слишком свежий букет хризантем и со словами: «Видно, придется!» — выпила залпом оставшуюся после цветов воду.

— Все! Это невозможно! Прекрати! Пипеткина! Прекрати! — заорала, совершенно не таясь, Лариса, и кикимора, пораженная отчаянием в ее голосе, наконец поняла, что в своих стараниях зашла слишком далеко...

ЗНАКОМИМСЯ С ПИПЕТКИНОЙ

Стоп, стоп! Я совершенно забыла, что вы не знакомы с Пипеткиной! Подумаете еще, что кикимора — это ругательство такое. Ничего подобного! Кикимора — она и есть кикимора. Потомственная. Кстати, на самом деле никакая она не Светка и тем более не Пипеткина. Вы когда-нибудь слышали, чтобы кикимор звали Светками? А Пипеткина? Таких глупых фамилий даже у людей не бывает. Я потом расскажу, откуда эта глупость возникла. На самом деле одиннадцатилетнюю кикиморку звали вполне традиционно — Уг. Да, вы же не знаете: все кикиморы, как и люди, рождаются без имени! Только нас родители сразу же называют, как им захочется. А мы потом мучаемся: почему, например, Маша? Куда лучше Виолетта или, на худой конец, Диана. Зато кикиморы живут безымянными аж до пяти лет! Взрослые считают, что так их дети будут хитрее и изобретательнее. А к пяти годам, когда этой самой хитрости, изобретательности и, само собой, вредности накапливается выше крыши, кикимо-

рьим родителям становится невоготу от своих чад. Тогда они хватаются за голову и срочно начинают искать какое-нибудь подходящее имя для маленького чудовища. К тому же юное создание нужно наказывать. А как накажешь без имени? Ни подозвать, ни обозвать. В общем, когда наступают эти страшные пять лет, прямо в день рождения, старший в семье достает Большую Книгу и каким-то хитрым способом определяет первую букву имени ребеночка. А вторую букву присоединяют в десять лет, за два года до посвящения в настоящие кикиморы.

Так же все было и с Уг. Впрочем, она уже знала, что через год быть ей или Угляной, или Угнеей. Вот и весь выбор. Хотя кикиморка была бы не прочь называться и дальше ласковым семейным именем, которым звала ее мама Мида, — Угошей.

Жила семья Миды уединенно на небольшом островке посреди огромной топи. Это только в сказках понапридумывали, что кикиморы могут жить прямо в болоте. Глупости! Кроме русалок, никто теперь в воде не мокнет. Да и те болота стороной оплывают. Зачем им эта тухлятина?! Куда лучше ручеек или, скажем, речушка лесная.

Но справедливости ради нужно заметить, что сырые места кикиморы все же любили всегда. Или, как говорят люди, — гиблые места. Но это для кого как! И удивляться тут совершенно нечему, зловещего искать тоже не стоит. Просто кикиморы — потомки очень древних жителей нашей планеты, которые жили на Земле еще тогда, когда климат был куда влажнее нынешнего. Вот

и тянутся теперь к болотам. Может, и сохранились потому. Русалки болот избегали. И где они теперь? Кто-нибудь из вас русалку живую видел? Вот! Единицы остались. А кикиморы семьями большими живут. Хозяйство ведут. Друг к другу в гости ходят, веселятся. Детей учат. Вам хочется возразить, что их вы тоже как-то не особо встречали? Сами виноваты. Найдите хорошую топь, заберитесь подальше и убедитесь. Ну, это так, шутка. Кто ж вас в топь пустит?! Кикиморы сами же и закружат, чтобы глаза отвести. Кстати, что они злые,— это враки из сказок. Просто людей опасаются и правильно делают.

Вернемся к Уг. У нее-то как раз семья и не была большой: Мида, сама Угоша и братик в невыносимом четырехлетнем возрасте. Без имени еще. Совсем недавно был и папа. Но беда с ним случилась. Отправился он по грибы, замечтался, задумался и вышел к полю, на котором люди картошку растили. А на картошке жуки симпатичные завелись — маленькие, полосатенькие. Посмотрел на них папа, как они картофельную ботву доедают, подумал, что не все красивое полезным бывает. Вдруг слышит: гудит самолет. В лес бросился, да поздно было. Люди гадостью жуков вместе с папой побрызгали. Домой-то он дойти успел, даже рассказал Миде о несчастье, с семьей попрощался, а к ночи умер.

Мида попыталась умолчать о подробностях, да разве от Угоши что утаишь? Ей уже тогда девять было. А в девять для кикиморы мысли прочитать — раз плюнуть. Конечно, воспитанная

кикимора никогда не станет без спросу или без надобности этого делать. Но тут был совсем другой случай.

Как возненавидела Угоша людей! С полгода ненавидела. Потом обеспокоенная Мида объяснила дочери, что не умеют люди ни заклятия накладывать, ни с жуками и птицами разными договариваться, вот и придумали всякие штуки, которые им много пользы приносят, а заодно портят вокруг что-нибудь очень важное. К тому же ненавидеть людей — совершенно некультурно для такой большой и воспитанной кикиморки, как Угоша. Ну, морок навести в целях самозащиты, по болоту поводить — это в порядке вещей, а ненавидеть — лишнее.

А потом Угоша узнала такое! Оказывается, одним из ее предков был человек. Приходился он ей прадедушкой. Приехал в леса молодой инженер осушать местные болота. Влюбился в прабабушку Уг и увез ее в город. Все у них некоторое время замечательно было, пока не родилась дочка — Угошина бабушка. А что это такое — младенец-кикимора, только кикимора и поймет. Ух, такое им девочка устраивала! Прабабушка Уг вовремя поняла, что пора ей из города исчезнуть, пока слухи про их семью не поползли, да излишний интерес до беды не довел. И хоть любила она мужа, взяла дочку и ушла в лес. Только не тот, где жила раньше, а в дальний, который и сами кикиморы не особо жаловали за его мрачность.

Когда Угоша все это узнала, ее ненависть тут же поменялась на крайнее любопытство. Захо-

телось к людям. И так захотелось, что начала она планы строить, как к ним попасть и как научить их понимать язык природы, чтобы они больше жуков не убивали, а могли с ними договориться.

Конечно, если бы Мида заметила, как изменилась ее дочь, она бы приняла надлежащие меры. Но случилось все совершенно иначе: Угоша начала действовать.

Глава 1

УГОША НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Сказать, что Уг была решительной кикиморой,— это не сказать ничего. Если она чего-нибудь начинала хотеть, то продолжала хотеть ровно столько, пока желаемое не возникало в соответствии с самыми нереальными мечтами. Причем без всякой магии. Конечно, чего было бы проще — смешать в равных частях пепел сушеной лягушки, толченый мухомор и пыльцу колокольчиков, собранную в полнолуние, и посмотреть свое будущее. Но Угоша не была такой душой! И дело не в запретах или каких-то там правилах приличия. Уметь — не значит пользоваться. Ну кому интересно обо всем знать заранее?! Поэтому кикиморка просто присела на пенек и стала думать.

Через некоторое время она додумалась, что, прежде всего, хорошо было бы взглянуть на этих самых людей (до сих пор ей ни разу не приходилось встречать человека: сначала была маленькая, потом людей терпеть не могла. К тому же топь надежно защищала ее дом от кого бы то ни было).

Посидев минут пятнадцать, кикиморка встала и решительно направилась к краю болота. Через полчаса шлепанья по мокрым кочкам она добралась до сухого пригорка. Мрачные елки сменились светлыми березками и осинами. В этой части леса Угоше не приходилось бывать ни разу. Чтобы не заблудиться, она быстро-быстро потерла друг о друга ладошки и, шепнув нужное слово, дотронулась до ближайшей березы: пусть деревья сами запоминают ее путь. Не забывая оставлять вешки, прошла еще с километр, даже не притормозив в чудненьком малиннике, где уже лакомился спелыми ягодами молодой мишка. Так же решительно миновала она кусты черной смородины и остановилась лишь тогда, когда услышала совершенно новый звук — кто-то смеялся звонко, захлеб.

Конечно, это существо не было кикиморой, иначе Угоша поймала бы мысленный опознавательный сигнал с именем весельчака. А раз так, то, без всяких сомнений, смеялись люди!

Кикиморка пригнулась и, сливаясь с каждым встречным кустом, подобралась поближе к источнику звуков. Перед ней открылась большая поляна с почти круглым чистым озерцом, улегшимся между желтыми песчаными берегами. На пригорке, подставив солнцу успевшие подзагореть животы и коленки, словно сороки трещали на неизвестном языке две совершенно кикиморьего вида девчонки. Рядом мятой горкой лежала их одежда.

«Совсем как мы», — удивилась Угоша, хотя чему ж было удивляться, если ее прадедушка был человеком. «Не мог же он казаться прабабушке какой-нибудь краказяблой!» — пронеслось в голове. Кикиморка, стараясь не задеть веток укрывшего ее куста, переместилась поближе к людям и, прикрыв глаза, слилась с сознанием одной из девчонок.

Девчонка на секунду замерла, тряхнула головой, словно отгоняя надоедливую муху, и... продолжила болтать с подружкой, даже не пытаясь разобраться в своем странном состоянии. А вот это как раз и не было удивительным: Угоше уже исполнилось одиннадцать, поэтому такие трюки не составляли для нее никакого труда.

— Светка, слушай, что расскажу — обхохочешься! — еле сдерживаясь, сказала «Угошина» девчонка.

— Ну?

— Наши пацаны из класса...

— А кто?

— Димка, Сема и Максик...

— Известная тройца.

— Стой, не перебивай. Ты только послушай! На прошлой неделе, помнишь, по телику программа была, как будто кто-то настоящую русалку видел. А наши пацаны утром как раз на рыбалку собрались. Пораньше, чтобы клев был.

— Сюда?

— Нет, на речку пошли. Подходят к берегу с той стороны, где деревья. Ну, помнишь? А вдоль речки туман. Пацаны еще из леса не вышли,

вдруг слышат, в воде кто-то плюхается. Максик встал как вкопанный. Шепчет: «Пацаны, русалка!» А Сема: «Давайте поймаем». Легли в траву все втроем и поползли на пузе в сторону речки. Представляешь, видок! Ползут, а Димка все им шепчет: «Ученым отдадим. Пусть изучают. Нас по телику покажут...» Они ему: «Заткнись!» — и дальше ползут. Сема сачок для рыбы приготовил, чтобы им русалку подцепить...

— А что, русалку не видно? — перебила заинтригованная Светка.

— Конечно, нет. Так вот, они к воде подползли, Семка скомандовал: «Раз, два, вперед!» — они в воду — хлобысь! Прямо в одежде. Русалке на голову сачок — хлобысь! Та как завизжит! Димка ее за руки схватил, а сам кричит: «Макс! Хвост! Хвост держи!» Русалку притопили, а она под водой Димку за руку как куснет! Димка заорал и русалку отпустил. Она вынырнула и тоже как заорет: «Придурки! Я все маме расскажу!»

Светка, до сих пор слушавшая совершенно серьезно, с тайной надеждой на чудо, тут же поняла, что история с подвохом, и, предвкушая уже очевидную развязку, тихонечко захихикала:

— Анжелка, ну и кого эти «охотники» поймали?

— Аллочку! Представляешь, наша Алка прочитала какую-то правильную книжку про здоровье и пошла на рассвете на речку, чтобы зарядку и водные процедуры сделать!

Девчонки закатились, смахивая выступившие от невозможности остановиться слезы, снова и

снова прокручивая в воображении подробности конфуза.

Когда у обеих заболели животы, Светка неожиданно подытожила:

— Так этой Алке и надо! Подумаешь, отличница!

— Свет, ты чего? Ты же сама у нее контрольные сдуваешь! Завидуешь, что ли?

— Очень надо! Я и сама так могу, только не слишком-то хочется. Пусть такие дурочки, как она, думают.

— У-у-у... — поморщилась Анжелка, — никогда не думала, что ты так можешь про Петренко говорить. А про меня ты тоже думаешь, что я — дурочка? Я же нормально учусь! Правильно тебя брат Светкой-Пипеткой дразнит!

Ссора вспыхнула, как трава в костре. Обе девчонки вскочили и уже готовы были... Впрочем, вцепиться друг в друга они не успели: их накрыл наведенный Угошей столбняк.

Едва почувствовав, что мозг усвоил все, что было в Анжелкиной голове, Угоша отпустила ее сознание. Теперь следовало, пятясь, уйти в лес. Но желание рассмотреть поближе людей, дотронуться до их кожи, волос, убедиться, что они такие же, как и она сама, заявило о себе настолько сильно, что Угоша осталась. К тому же ее тянуло повредничать: очень уж вольно девчонки рассуждали о русалках. Поэтому, заставив «подружек» замереть, она не сделала ничего, чтобы скрыть свое появление, и, пока рассматривала купальнички, заколки с сердечками, трогала

облупившийся лак на ногтях, девчонки умирали и никак не могли умереть от ужаса.

Конечно, ничего страшного в кикиморке не было: среднего роста, тощеватая, рыжая и загорелая, она ничем особо не отличалась от них самих. Разве что глаза... Большие, такие редко встретишь у людей. И зеленые — прямо фломастерные какие-то! Но мало ли у кого какие глаза? Ужас не отпускал девчонок по совершенно другой причине: Угоша не убрала защитный барьер страха, который испокон веку защищает любую кикимору при встрече с людьми. Чтобы убрать защиту, и нужно-то дважды щелкнуть пальцами левой руки. Но Угоша этого не сделала.

Когда, рассмотрев все, что хотелось увидеть, кикиморка позволила Анжелке со Светкой двигаться, обе, тоненько подвывая, рванули к деревне.

Угоша тоже вознамерилась уйти, прекрасно понимая, что скоро сюда пожалуют взрослые. Но тут ее взгляд упал на кучку забытой очумевшими девчонками одежды. Кикиморка нагнулась и вытянула двумя пальцами светлые шорты.

Ничего подобного она раньше не видела, а сама носила только тканые мамой платья из вымоченного в болотной воде льна. Но знания, взятые из Анжелкиной головы, прижились в сознании Угоши так, как если бы они были ее собственными. Поэтому она, повертев в руках шорты, быстро сбросила платье и засунула в них ноги. Потом извлекла из кучи цветную маечку.

Человеческая одежда оказалась неожиданно удобной и непривычно красивой. А когда Угоша подняла раскиданные по плечам волосы и посмотрела на свое отражение в озерной воде, ей вдруг подумалось, что вряд ли кто сможет отличить ее от только что сбжавших девчонок.

Едва ли сознавая, зачем она это делает, кикиморка быстренько переделалась в привычное платье, аккуратно свернула чужую одежду, зажала сверток под мышкой и побежала домой.